

Опытъ историческаго обозрѣнія мистическихъ сектъ въ Россіи.

(Статья третья).

НАПОЛЕОНИТЫ.

Наполеониты, какъ самое названіе показываетъ, могли произойти не раньше XIX столѣтія. Секта эта почти не имѣетъ исторіи и извѣстна только по короткимъ замѣткамъ Липранди, который хотѣлъ изслѣдовать ее подробно, но не успѣлъ достигнуть своей цѣли. Онъ передаетъ о наполеонитахъ весьма короткія и неопредѣленные свѣдѣнія. По замѣчанію Липранди, секта наполеонитовъ показалась въ первый разъ въ 1820 г. въ городахъ Псковѣ и Пинскѣ, а въ 1844 г. перешла въ Москву, гдѣ пріобрѣла довольное число прозелитовъ изъ хлыстовъ и членовъ безпоповщинской секты. Такая исторія, при всей короткости своей, даетъ однакоже замѣтить, что на образованіе ереси наполеонитовъ главнымъ образомъ вліяли западные люди. Секта эта развилась въ такихъ мѣстахъ, гдѣ жило по преимуществу нѣмецкое и латинское народонаселеніе. Немудрено, что какой нибудь нѣмецъ, или французъ захотѣлъ воспользоваться неопытностію русскаго человѣка и увлекъ его общимъ взглядомъ на Наполеона, какъ на нѣчто высокое и божественное. Увлеченіе героемъ войны, побѣдителемъ Европы весьма естественно въ простыхъ людяхъ, живущихъ въ странахъ сопредѣльныхъ съ западными государствами. Сначала это увлеченіе могло и

не имѣть ничего предосудительнаго и антихристіанскаго, но потомъ, когда русскій человѣкъ поставилъ Наполеона выше всего существующаго, обоготворилъ его,—удивленіе къ герою явилось чѣмъ-то антигосударственнымъ и противурелигіознымъ. До такого увлеченія иностраннымъ императоромъ могъ уже дойти русскій человѣкъ при пособіи другихъ учителей, при существованіи долгой исторической связи двухъ народовъ, французскаго и русскаго, когда сглаживается неприязнь между самыми закоренѣлыми врагами.

Странность обоготворенія Наполеона на русской землѣ, которую онъ разорилъ въ 1812 г. и которой такъ много сдѣлалъ вреда, значительно уменьшается, когда мы вспомнимъ, что и хлысты и скопцы видятъ въ немъ сосудъ благодати и считаютъ его второстепеннымъ божествомъ. Наполеониты въ этомъ случаѣ могли просто увлекаться примѣрами такихъ сектантовъ, которые постоянно твердили о величій и безсмертіи Наполеона. Это отчасти указываетъ на взаимную связь нашихъ хлыстовъ, скопцовъ и наполеонитовъ. Выходя изъ одного мистическаго начала, всѣ сектанты разнообразились только по своимъ корифеямъ, а въ существѣ дѣла направленіе у нихъ было и есть одно. Когда скопцы обоготворили Селиванова, хлысты—Ивана Тимофеевича, тогда наполеониты сдѣлали для себя божествомъ Наполеона, оставивши у себя все прочее, что содержится у другихъ сектантовъ одинаковаго съ ними духа.

Основная тенденція наполеонитовъ есть таже надменная мнимая духовность, обольстительная мечта тѣснѣйшаго и непосредственнаго соединенія съ Божествомъ или вселенія его въ себѣ. Вѣру эту они выражаютъ и въ своихъ догматическихъ воззрѣніяхъ, и въ своихъ богослужебныхъ собраніяхъ.

Наполеониты считаютъ Наполеона за Бога, кланяются ему и призываютъ въ своихъ молитвахъ. Для этого каждый

сектантъ имѣеть у себя или бюстъ императора, или лито-гравированный портретъ, добываемый изъ-за границы, съ изображеніемъ Наполеона, возносящагося на небо. Одно уже обоготвореніе Наполеона можетъ дать понятіе—на сколько далеки отъ христіанскихъ воззрѣній и жизни наши еретики. Въ этомъ фактѣ ясно высказывается ихъ пренебреженіе къ христіанскому ученію о Богѣ, какъ единомъ и единственномъ существѣ, владѣющемъ божественными совершенствами.

Неизвѣстно, каковы нравственные правила наполеонитовъ; но можно догадываться, что они не лучше догматическаго ученія ихъ и, вѣроятно, повторяютъ собою или хлыстовскую, или скопческую мораль, такъ какъ обрядовое ученіе секташтовъ, хотя малоизвѣстное намъ, напоминаетъ собою богослуженіе хлыстовъ и скопцовъ.

У поклонниковъ Наполеона есть въ Москвѣ особенный каменный домъ, куда собираются сектаторы въ извѣстные дни для совершенія молитвъ. Приходятъ они съ большою тайною, подобно хлыстамъ и скопцамъ, и начинаютъ свою службу моленіемъ предъ бюстомъ Наполеона; за тѣмъ два главныхъ наставника этого ученія совершаютъ какіе-то обряды и пророчествуютъ своимъ сочленамъ по вѣрѣ. Но какъ все это совершается—неизвѣстно: изъ раздѣленія службы на молитву, пророчества и совершеніе нѣкоторыхъ обрядовъ, видно только, что наполеониты въ своей религіозной жизни руководствуются ученіемъ хлыстовъ, такъ какъ и у послѣднихъ служба состоитъ изъ этихъ трехъ существенныхъ пунктовъ и такъ какъ хлысты легко переходятъ въ секту наполеонитовъ ¹⁾).

СКАКУНЫ.

Русская секта скакуновъ имѣеть у себя много предшественниковъ на французской почвѣ. На западѣ было до-

¹⁾ Обзорѣніе существующихъ въ Россіи ересей, расколовъ и сектъ—Липранди, въ сборникѣ Кельеіева, выв. II, 1862 г. стр. 135—137.

вольно обществъ, думавшихъ благоугождать Богу видимымъ скаканіемъ и кривляніемъ подъ открытымъ небомъ, или въ молитвенныхъ домахъ. Нечего и говорить объ эфемерной сектѣ *цицетовъ* (*cicetes*), существовавшихъ въ VII в. и выражавшихъ свою молитву къ небесному Существу танцами и прыжками, потому что явленіе это давнишнее; но нельзя не упомянуть о сектантахъ XVIII столѣтія—*джумперахъ*. Появившись съ 1760 года, джумперы весьма оригинально и странно выражали свое служеніе Богу: они при молитвахъ своихъ переминались съ ноги на ногу, рычали, мурлыкали, прыгали и скакали до усталости, до упаду. Волней, путешествовавшій по Валлису и Корнуэльскому графству, такъ описываетъ службу джумперовъ: «при началѣ службы, молодые и старые люди начинаютъ всегда съ низкихъ нотъ, говорятъ тихо и невнятно, потомъ постепенно усиливаютъ свой голосъ до рева и заканчиваютъ страшными рыданіями. Въ это время, одни изъ присутствующихъ издають какія-то восклицанія, другіе, собравши остальные силы, неистовымъ образомъ прыгаютъ, третьи издають дикіе звуки, похожіе на звуки молота, ударяющаго объ камни. Энтузіазмъ охватываетъ всѣхъ, и каждый членъ дѣлается какъ бы безумнымъ» ¹⁾. Прыжки и скаканіе это продолжались весьма часто отъ 8 часовъ вечера до 11. Секта джумперовъ существовала во Франціи и Германіи уже въ XIX в., и Вильямъ Сампсонъ, въ 1804 г., видѣлъ подобныхъ сектантовъ, изъ которыхъ одни говорили по вдохновенію проповѣди, другіе судорожно тряслись, иные неистово махали палками и руками, иные бессмысленно смотрѣли въ одну точку, надѣясь увидѣть тамъ невидимаго Бога, а иные выбѣгали на дворъ и здѣсь хотѣли узрѣть небеснаго Агнца ²⁾.

¹⁾ Histoire des sectes religieuses, Gregoire 1829 г. t. IV, Ch. XIII, стр. 483.

²⁾ Memoires of William Sampson, 1807 г. p. 55.

Эта иностранная секта джумперовъ объясняетъ отчасти конвульсивное служеніе Богу нашихъ сектантовъ—хлыстовъ и скопцовъ, но главнымъ образомъ выясняетъ появленіе нашихъ скакуновъ. Скакуны образовались прежде всего въ Финляндіи, а Финляндія, по самому характеру своему, больше страна нѣмецкая, чѣмъ русская. Сюда не трудно было проникнуть какому нибудь джумперу, чтобы распространить свое лжеученіе. Нѣкоторые изслѣдователи этой секты прямо производятъ ее отъ гернгутскаго братства, или вообще отъ піетистическихкихъ сектъ ¹⁾. Изъ Финляндіи она перешла въ с.-петербургскую губернію, въ слѣдствіе близости двухъ губерній. Здѣсь она могла легко привиться потому именно, что въ С.-Петербургѣ, какъ извѣстно, весьма долго жилъ основатель скопчества Кондратій Селивановъ, а въ окрестностяхъ С.-Петербурга подвизался и пріобрѣталъ славу и популярность ревностный послѣдователь и сподвижникъ его, скопческій предтеча, Александръ Ивановичъ Шоловъ. Эти основатели секты скопческой много способствовали своимъ ученіемъ развитію скакунства въ с.-петербургской губерніи. Скакунство явилось здѣсь въ началѣ 30-хъ годовъ текущаго столѣтія и было только въ с.-петербургскомъ уѣздѣ, но, съ теченіемъ времени, распространилось въ ямбургскомъ, царскосельскомъ и гдовскомъ уѣздахъ. Кто былъ главнымъ основателемъ секты скакуновъ въ с.-петербургской губерніи, трудно рѣшить: одни думаютъ, что первыя сѣмена скакунства занесены сюда финляндскими учителями, нарочно пріѣзжавшими ради пропаганды своего ученія, а другіе утверждаютъ, что главнымъ распространителемъ его былъ тайный совѣтникъ Поповъ.

Какъ бы то ни было, секта скакуновъ, по своему вѣроученію и практикѣ, весьма похожа на другія мистическія

¹⁾ Голосъ 1864 г. № 266.

секты. Она такъ же, какъ хлыстовство и скопчество, отвергаетъ христіанское ученіе о единомъ Богѣ и допускаетъ другія божества въ лицѣ своихъ учителей, которыхъ называетъ «святыми и преемниками Христа на землѣ и на небѣ». Съ отрицаніемъ Бога, у сектантовъ явилось желаніе отбросить и всѣ таинства Христовой церкви; и они, дѣйствительно, одни изъ нихъ совсѣмъ оставили, а другія исказили до невѣроятности. Брака у нихъ не существуетъ ни въ какомъ видѣ, а если и вступаютъ они въ супружество, то для отклоненія отъ себя подозрѣнія; крещеніе между ними неизвѣстно, и только въ крайнихъ случаяхъ и притомъ крайними фанатиками замѣняется оскотченіемъ. Причащеніе у нихъ существуетъ только по идеѣ и выражается въ формѣ совершенно искаженной: чтобы принять въ себя тѣло и кровь Господа, ревностнѣйшіе послѣдователи скакунства сосутъ языкъ у своего quasi божественнаго учителя, другіе только цѣлуются съ нимъ, а менѣе достойные допускаются къ рукѣ или ногѣ пророка. О другихъ таинствахъ нѣтъ у нихъ и рѣчи.

Правила нравственности скакуновъ довольно аскетическаго характера и весьма похожи на скопческія. Они (сектанты) ненавидятъ распутство и сладострастіе, отъ чего и самый бракъ у нихъ запрещенъ; одежду носятъ всегда простую, черную, синюю или бѣлую, и избѣгаютъ цвѣтной; дѣвицы подстригаютъ волосы и не носятъ серегъ и бусъ, а замужнія—и головныхъ повязокъ; не пьютъ горячихъ напитковъ, не ѣдятъ мяса, и вообще очень воздержны въ пищѣ. Но эта видимая святость скакуновъ имѣетъ основаніемъ не религіозное чувство, а обманъ, желаніе уклониться отъ подозрѣнія со стороны правительства.

Ходя ради своихъ цѣлей въ православные храмы и протестантскія кирки, скакуны при этомъ имѣютъ и свои собранія, которымъ придаютъ особенное значеніе и важность.

«Они собираются, какъ описываетъ Кельсіевъ, для молитвы всегда ночью: зимою—въ какой нибудь удаленной отъ жилья ригѣ или избѣ, лѣтомъ—въ глухомъ лѣсу. По надлежащемъ приготовленіи къ молитвѣ, наставникъ въ бѣлой одеждѣ, стоя въ срединѣ, читаетъ молитвы обыкновеннымъ голосомъ, переходящимъ постепенно въ веселый напѣвъ. Когда онъ замѣтитъ, что торжественность напѣва значительно подѣйствовала на слушателей, начинаетъ привскакивать. Слушатели подражаютъ ему; восторгъ, увеличиваясь постепенно, выражается возможно высокими прыжками. Иные доходятъ до изступленія, скачутъ на четверенькахъ и кричатъ почти дикимъ голосомъ. Скачутъ же всегда попарно, взявшись за руки. И когда сильно уже устанутъ, и наставникъ объявитъ, что онъ слышитъ пѣніе ангеловъ, то на томъ же мѣстѣ ложатся спать попарно, при чемъ совокупленіе между ближайшими родственниками не считается грѣхомъ». Не повторяется ли въ этихъ скаканіяхъ и неудержимыхъ оргіяхъ хлыстовская богослужебная практика? Скакуны въ этомъ случаѣ даже пошли дальше: они зло кощунствуютъ надъ священнѣйшими предметами вѣры Христовой и низводятъ ихъ въ рядъ смѣнныхъ явленій, высказывая тѣмъ пенависть свою ко всему возвышенно-глубокому и безконечно святому. Оргіи свои они всегда назначаютъ подѣ большіе христіанскіе праздники, или подѣ среду и пятницу, стараясь доказать, что они презираютъ все христіанское. Нерѣдко скакуны для тѣхъ же цѣлей воспроизводятъ факты изъ жизни Спасителя и искажаютъ ихъ до неслѣднаго, до грустно-тяжелого. Въ вербное воскресенье, наприм., они выбираютъ одну женщину, которая должна представлять изъ себя ослицу; на нее надѣваютъ узду и два человека водятъ ее; а между тѣмъ является учитель и садится верхомъ на воображаемое животное, которое должно при этомъ бодриться и прыгать. Спустя нѣсколько времени, наставникъ встаетъ, ударяетъ мнимое животное три

раза съ словами: «возстани ося и жребя подъяремнича», и дѣвица встаетъ, чтобы предаться послѣ кощущства полнѣйшему разврату.

При всей безсодержательности своего вѣроученія, несостоятельности правоученія и безнравственности практической вѣры и дѣятельности, секта скакуновъ не можетъ, однакоже, пожаловаться на недостатковъ членовъ, притомъ развитыхъ и образованныхъ. Сладострастные оргіи привлекаютъ въ нее толпы людей высшаго круга и большаго свѣта. «Года три назадъ, говоритъ Кельсіевъ, близъ селенія Волосова было ночью въ лѣсу собраніе скакуновъ человѣкъ до 500; близъ этого лѣса можно было видѣть тогда множество богатыхъ экипажей, приѣхавшихъ сюда изъ С.-Петербурга» ¹⁾).

МОНТАНЫ.

Монтаны живутъ главнымъ образомъ въ восточныхъ губерніяхъ Россійской имперіи. Трудно сказать—кто первый посѣялъ здѣсь сѣмена новаго лжеученія; сходство ученія монтановъ и хлыстовъ даетъ только понять, что первые еретики были видоизмѣненіемъ послѣднихъ, и, вѣроятно, какой нибудь хлыстъ, попавшій случайно въ Заволжье и забывшій отчасти собственные религіозныя правила, успѣлъ посѣять ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ остались они въ головѣ сектанта. За 50 лѣтъ до нашего времени многіе крестьяне внутреннихъ губерній, стѣсняемые податями и неимѣніемъ средствъ къ существованію, переселялись на вольныя степи и широкія поля, унося съ собою и свои религіозныя воззрѣнія. Какъ бы то ни было, монтанство давно уже существовало въ Заволжьи и сѣверо-восточныхъ губерніяхъ, хотя ограничивалось небольшимъ кру-

¹⁾ Источниками для ереси скакуновъ были: Hist. des sectes religieuses Gregoire 1829 t. IV. Chap. XIII; Собрн. Кельсіева 1861, вым. II стр. 84—90;—Голосъ 1864, № 266; Отеч. Записки 1865 г. Май и июль: «Раскольниціи лжеархіерей Русановъ».

гомъ послѣдователей и темнымъ вѣроученіемъ. Поэтому православные называли сектантовъ весьма различно; одни величали ихъ щеловициною, кобызевциною, ивановициною, тарзановициною, другіе—*духовидцами*, третьи—*смѣхорыдающими*, четвертые—*духовнооскопившимися*, пятые—*вертунами* или *вертячими*. Всѣ эти названія заключаютъ подъ собою долю правды и рисуютъ еретиковъ то съ той, то съ другой стороны, не выражая цѣлаго содержанія секты.

Названіе монтановъ сектанты получили уже позднѣе, въ то время, когда опредѣленно составились догматика и нравственное ученіе ихъ. Главнымъ дѣятелемъ въ этомъ отношеніи былъ удѣльный крестьянинъ села Прослонихи—Никифорычъ. Ему обязана секта монтановъ своею догматикою, правоученіемъ и вообще организаціею. Василій Никифоровъ Щегловъ былъ человѣкъ набожный и семейный; въ молодости онъ учился грамотѣ и послѣ «зачитался духовныхъ книгъ». Сопоставляя правила правоученія христіанскаго и самую жизнь, онъ видѣлъ здѣсь крайнее противорѣчіе: «въ книгахъ священныхъ говорится такъ, а всѣ православные живутъ по другому; дѣло выходитъ неладно». Разгадывая далѣе это явленіе, онъ пришелъ къ странному и богохульному заключенію, что это отъ того, что слабы и бездѣйственны стали законы самого Спасителя, съ которыми должна сообразоваться жизнь мірская: «вся бѣда отъ того, что сила крестная изнемогла, поиспаталась, и уставы Спасителей давно уже стали не пригодны для людей». Чтобы не оставить людей въ заблужденіи, Никифорычъ рѣшился исправить законы Христовы и пути грѣшниковъ; какъ мистикъ, воспитанный отчасти на правилахъ хлыстовъ и скопцовъ, онъ сталъ предлагать ученіе мистическаго характера, надѣясь имъ скорѣе достигнуть цѣли, чѣмъ положительными истинами вѣроученія христіанскаго. Страсть къ учительству, желаніе блага другимъ заставили

Никифорыча бросить семейство, родину и идти съ «правымъ дѣломъ» странникомъ, въ качествѣ пророка Божія и проповѣдника новаго ученія. Сначала ученіе свое распространилъ онъ въ собственномъ уѣздѣ самарскомъ, а потомъ странствовалъ по всему Заволжью и вездѣ то сѣялъ вновь свое ученіе, то только давалъ ему прочную организацію. Благодаря Никифорычу, монтанство скоро привилось въ самарской, саратовской, симбирской, казанской, тамбовской, рязанской, тульской и московской губерніяхъ, гдѣ оно существуетъ и до настоящаго времени. Чему же училъ Никифорычъ?

Выступая на проповѣдь, Щегловъ старался возвысить свою собственную личность въ глазахъ народа, дабы тѣмъ удобнѣе привлечь къ себѣ вниманіе другихъ. Онъ называлъ себя пророкомъ Божиимъ, призваннымъ отъ чрева матери быть провозвѣстникомъ новаго ученія о правомъ пути къ царствію небесному; говорилъ, будто Богъ самъ нѣсколько разъ являлся ему и велѣлъ поработать о спасеніи людей, кои влекутся въ сѣти діавола, и для этой цѣли далъ ему Духа Святаго, который, съ минуты призванія, дѣйствуетъ и пребываетъ въ немъ неотлучно. Посему Никифорычъ знаетъ тайны и будущія судьбы людей; знаетъ, какія мѣста уготованы въ будущей жизни для человѣка: «мнѣ открыто свыше, говорилъ онъ, больше нежели Василию Великому; я знаю всю подноготную. Слово мое—слово Духа, и что я ни скажу, то нерушимо сбудется». Отъ такой увѣренности въ собственныхъ достоинствахъ и всевѣдѣнія не трудно было перейти къ обоготворенію себя. И Никифорычъ, а за нимъ и другіе учителя, стали называть себя просто богами и учили этому толпу, неразсуждающую о дерзкомъ самозванствѣ и о невозможности вторичнаго воплощенія Сына Божія, Бога.

Окруживши себя такимъ величіемъ, Никифорычъ смѣло и дерзко сталъ вооружаться противъ всего христіанскаго и

святаго. Обладая Духомъ Святымъ, онъ, безъ зазрѣнія совѣсти, отвергалъ все то, что дано этимъ Духомъ, и попиралъ своимъ невѣжественнымъ и грубымъ умомъ глаголы Живота вѣчнаго. Священное Писаніе для него не имѣло никакого авторитета; онъ свободно распоряжался имъ и искажалъ его по собственному желанію. Спаситель, по ученію Никифорища, былъ на землѣ и страдалъ невинно за грѣхи людей и искупилъ ихъ; но сила искупленія царствовала недолго, вскорѣ же явилась снова сила грѣха, превозмогла силу искупленія и распространила свою власть на весь родъ человѣческій. Поэтому жить по законамъ Спасителя не слѣдуетъ: «спасенія отъ нихъ никакого не будетъ, кромѣ пагубы вѣчной». Чтобы достигнуть царства небеснаго, нужно избрать иной путь, а не путь предложенный Сыномъ Маріи и заваленный грѣхами. Гдѣ же этотъ путь? Когда сила грѣха поработила себѣ людей, явился для спасенія ихъ первый человѣкъ, называемый христіаниномъ, сразился съ силою грѣха и побѣдилъ ее. Этотъ человѣкъ и указалъ новый путь, короткій, свѣжій и праведный. За первымъ человѣкомъ потянулся вѣрный, а за вѣрнымъ—надѣющийся. Идущіе по этому пути всегда спасутся; Никифорищъ же назначенъ отъ Бога толкователемъ новой дороги.

«Всѣ христіане, по взгляду Щеглова, живутъ не по закону евангельскому; въ самыхъ монастыряхъ царствуютъ распутство, соблазны, по кельямъ слышенъ чайный запахъ, табачный дымъ, скоромнина, картофель и пр». Отсюда Никифорищъ выводилъ такое заключеніе, что нужно чуждаться монастырей, не знакомиться съ панибратствующими съ діаволомъ—монахами, нужно избѣгать совѣтовъ церковниковъ, не принимать уставовъ церкви и пр. За отверженіемъ церкви Никифорищъ коснулся и таинства, изъ которыхъ многія признавались имъ только для того, чтобы скрыться отъ преслѣдованій,

а другія совершенно отвергались. Къ числу послѣднихъ отнесень Никифорычемъ бракъ: «бракъ есть скверна, говорилъ онъ; зачатый плодъ есть исчадіе силы грѣха, самого діавола; въ семействахъ съ особенною силою гнѣздится грѣхъ, какъ аспидъ какой; человѣкъ во бракѣ—плохой воздѣлыватель спасенія; въ немъ онъ связанъ, опутанъ по рукамъ и ногамъ; брачное сожитіе—наша пагуба». Поэтому, ради спасенія, нужно изгнать таинство брака и не признавать его за божественное установленіе, потому что и Христосъ и Божія Матерь вели жизнь безбрачную.

Но отвергнувши христіанскую догматику, Никифорычъ предлагать собственную, въ которой трудно понять что либо. Въ ней все спутано и перемѣшано какими-то мистическими личностями—первыхъ христіанъ, вѣрныхъ и надѣющихся. Одно только выступаетъ въ ней живо, что самъ Никифорычъ—существо божественное, одухотворенное, есть самъ богъ, которому должно вѣрить во всемъ и къ которому, по преимуществу, должно обращаться за совѣтами. Безъ совѣтовъ главнаго сектанта невозможно спасеніе людей, потому что никто, кромѣ его, не знаетъ путей,—перваго христіанина.—Богохульно и дерзко подобное ученіе, изказившее такъ грубо основныя истины христіанскія, но оно далеко еще не все; полная система вѣроученія и нравоученія монтановъ дѣлаетъ ихъ сектою самою безобразною и нагло-безсовѣстною.

Никифорычъ явился на землю не для созерцательнаго только ученія, а главнымъ образомъ онъ предназначенъ—указать человѣчеству новый правый путь ко спасенію, «исправить грѣховную пагостную жизнь мірскую». Онъ прежде всего порицаетъ правила христіанской жизни, содержащія въ священномъ Писаніи: «не то хорошо, спасительно, говорилъ онъ, въ нравоученіи христіанскомъ, что написано въ книгахъ, а то, что говоритъ Святыи Духъ». Подъ вліяніемъ

этого Духа и составилъ онъ свои новыя правила для дѣятельности сектантовъ,—правила чисто мнимо-духовныя. Въ нравственномъ ученіи своемъ онъ весьма похожъ на Радаева: «всякъ начинай свое дѣло съ смиренія, твердишь монтанскій нравоучитель; не размахивай руками, не говори громко, не ходи скоро, дверью не хлопай шибко и взоръ понижай долу». Затѣмъ Никифоричь заповѣдуетъ строгую умѣренность и воздержаніе отъ хмѣльныхъ напитковъ и всякаго рода мірскихъ увеселеній. Высшую же нравственную заслугу для человека Никифоричь поставлялъ въ безбрачной жизни; онъ повелѣвалъ своимъ послѣдователямъ жить отдѣльными станами мужчинамъ и женщинамъ. И скоро, по его повелѣнію, образовались общества дѣвственницъ—«келейницъ».

Правила эти по виду хороши и довольно христіански, но, не имѣя надъ собою божественнаго авторитета, они легко видоизмѣнялись и принимали характеръ фарисейской практики, или, еще хуже, приводили послѣдователей монтанства къ грубѣйшимъ порокамъ и крайнему разврату. Никифоричь самъ допускалъ крайнее двоедушіе въ своихъ правилахъ. Онъ училъ, что, для устраненія преслѣдованій, нужно ходить въ православныя церкви и молиться, но не духомъ, а плотію, исповѣдываться и пріобщаться, поѣвши дома, дѣлать вклады въ церковь, имѣть пріязнь къ духовнымъ, повиноваться властямъ и пр.; словомъ, учитель монтановъ допускалъ всякую ложь, лишь бы послѣдствія клонились къ житейскимъ выгодамъ сектантовъ. Послѣдователи Никифорища большею частію были люди праздные, лѣнтяи, которымъ не хотѣлось заниматься работою; они большую часть времени проводили въ обманѣ другихъ, въ обираніи неопытныхъ и простыхъ мужиковъ, притворяясь предъ ними людьми самыми благочестивыми и набожными. Особенно развита была подобная тактика у келейницъ, которыя жили общинами и ничего не дѣлали.

Чтобы доставить себѣ средства къ пропитанію, онѣ пускались по деревнямъ въ видѣ чсрничекъ, притворялись иногда дурочками и хитро выманивали у какой нибудь женщины послѣднее достояніе; другія носили съ собою разныя пузырьки съ масломъ отъ кievскихъ угодниковъ, или крестники отъ Серафима саровскаго, или шапочки отъ святыхъ, или просфоры, хлѣбцы и пр. и тѣмъ обманывали довѣрчивую натуру русскаго человѣка; иныя брались читать всемірныя паннихиды по усопшимъ. За все это получались извѣстныя деньги и проживались самымъ безсовѣстнымъ образомъ въ кельяхъ, служившихъ пріютомъ для 5, 6 дѣвицъ и какихъ нибудь апостольцевъ. Въ этихъ кельяхъ келейницы дѣлались совершенно другими; онѣ предавались здѣсь полнѣйшему разврату и окончательному бездѣлю, хотя обитатели келій дѣлились на богоподобныхъ, ангелоподобныхъ, праведныхъ и надѣющихся. У каждой келійницы долженъ быть руководитель и наставникъ, который бы управлялъ слабымъ существомъ—женщиною и называлъ ее не иначе, какъ сестрицею. Такая близость сейчасъ же повела къ разврату и неудержимому распутству, по которому самое поступленіе въ секту совершалось чрезъ растлѣніе. Грубому пороку этому, при всей мерзости его, придавалось, однакоже, огромное значеніе и освященіе. За растлѣніемъ слѣдовало то, что поступившая подобнымъ образомъ въ келейницы получала наименованіе пеженимой, ангельской душеньки, спасенной и пр.

Въ такихъ мѣстахъ разврата, какъ кельи, совершается и служба монтановъ, или «бесѣдушка Господня». Келья обыкновенно дѣлится на два отдѣленія или половины, изъ которыхъ въ первой живутъ келейницы, а во второй отправляется богослуженіе. Кругомъ дальней комнаты ставятся скамьи, «праведныя сѣдалища; въ углу келій помѣщаются лики святыхъ людей: Николая угодника, Іоанна воина, Божіей

Матери, архистратига Михаила съ Вассіемъ и Модестомъ, нерукотворенный образъ, алебастровые бюсты Спасителя, портретъ Никифору́ча, нарисованнаго въ дубленомъ полушубкѣ, нечесаннымъ, съ маленькою клинообразною бородою безъ бакенбардъ и съ матовой вдохновенной фізіономіею. Портретъ становится всегда около Спасителя: «Спаситель де былъ Христосъ, а Никифору́чъ-христіанинъ, праведная душенька; оба—наши радѣльщики противъ силы грѣха». Предъ иконами зажигаются обыкновенно лампы и свѣчи. Въ богослуженіи участвуютъ главнымъ образомъ посланнички Никифору́ча и, такъ называемые, скитальцы. Имъ давалось громкое имя боговъ и отцовъ и приписывалось огромное значеніе. Самъ Никифору́чъ повелѣвалъ обращаться къ нимъ съ уваженіемъ, потому что «они вѣдаютъ путь спасенія, какъ свои пять пальцевъ»; они способны одни наставить на путь правый и способны «замѣнить для тебя отца; нѣтъ у тебя на землѣ высшей власти, кромѣ ихъ». Эти боги и учителя заправляли всѣмъ богослуженіемъ; имъ помогали богоподобныя и ангелоподобныя келейницы. Самое богослуженіе состоитъ изъ хлыстовскихъ радѣній, начинающихся тою же молитвою: «дай намъ Господи, дай Иисусъ свѣтъ Христовъ, дай намъ сына, сударь», и состоящихъ изъ пѣнія, пророчествъ, скаканія до усталости, разврата и пр. Одно только въ этихъ радѣніяхъ совершается иначе,—это посвященіе въ секту и причащеніе.

Желающая поступить въ секту (ученіе монтановъ принимается большею частію дѣвками) отдается для испытанія или оглашенія къ какому нибудь старику, мѣсяцевъ на шесть или на годъ. Испытаніе это состоитъ въ приученіи дѣвицъ къ самымъ безсовѣстнымъ выходкамъ и къ полному разврату. Учитель заставляетъ иногда свою будущую дочь лежать у ногъ своихъ по часу и болѣе, показывать голое тѣло, говорить нескромныя слова, цѣловать его руки и ноги, удовле-

творять его страсти и пр. Послѣ этого частнаго приготовленія начинается общее. Прозелитку вводятъ обыкновенно въ собраніе, снимаютъ въ прихожскій мірское платье, а вмѣсто его надѣвають рубаху съ узкими рукавами и синій сарафанъ, говоря при этомъ: «ризъ позлащенныхъ и преиспещренныхъ»; на ноги надѣваютъ бѣлые чулки, на голову голубую повязку, въ руки даютъ бѣлый платокъ, свернутый въ трубочку; на шею надѣваютъ большой мѣдный крестъ при пѣніи келейницъ:

По родамъ дѣвка ходила,
Изъ родовъ роды брала
И людей къ Богу звала.

Затѣмъ выходитъ изъ келейной другая воспріемница съ хлѣбомъ и солью и приглашаетъ новую жертву съ собою: «иди съ миромъ отъ міра, гдѣ царствуетъ сила грѣха на погибель людей»; при входѣ въ келейную обыкновенно встрѣчаютъ поступающую крестный, съ иконою Божіей Матери и тремя зажженными свѣчами, и третья воспріемница. Прозелитка должна поклониться всѣмъ присутствующимъ въ ноги, потомъ стать на колѣни, сложить крестообразно руки, опустить голову внизъ и слушать молитву, произносимую пророкомъ. Послѣ этихъ глухихъ обрядовъ, новая жертва должна снова кланяться всѣмъ въ ноги, повернуться раза три на пяткѣ, плюнуть три раза на дверь, за которою живетъ міръ, и умолять присутствующихъ принять ее въ общество: «боги вы мои, боги, примите меня за едино!» на что присутствующіе отвѣчаютъ: «примемъ тебя за едино, будешь носить платье лебедино».

Самый приводъ или вступленіе въ секту совершается чрезъ клятву и растлѣніе. Когда собраніе убѣдится въ искренности поступающей, тогда пророкъ отводитъ ее къ двери, ставитъ на колѣни и спрашиваетъ, пожавши руку про-

зелитки: «Обѣщаешься ли замужъ не ходить?» Поступающая должна отвѣчать на всѣ вопросы: ей, *Боже!* «Обѣщаешься ли крестнаго и крестную почитать больше отца и матери родной? Обѣщаешься ли предъ богами носить рубашечки бѣлелькія, сарафанчики синенькіе, носочки красенькіе, платочки бѣленькіе? Обѣщаешься ли про это дѣло никому не сказывать? Обѣщаешься ли, если тебя будутъ огнемъ жечь, кнутомъ сѣчь, топоромъ рубить и пожемъ рѣзать, ничего не сказывать? Въ знакъ вѣрности своихъ словъ цѣлуй Божию Матерь»... Затѣмъ слѣдуетъ наученіе поступающей молитвамъ, передѣланнымъ по своему изъ христіанскихъ, и послѣднее освященіе ея. Заключительный актъ принятія мерзокъ и гнусень и по самому названію своему и совершенію. Къ концу привода обыкновенно какой нибудь старикъ просвѣщаетъ грѣшную душу и освящаетъ бѣлое тѣло дѣвицы черезъ соитіе съ нею; тогда она дѣлается уже неженною и спасенною и можетъ участвовать въ дальнѣйшей службѣ монтановъ.

Что касается причащенія монтановъ, то оно и грубо и безчеловѣчно. Калатузовъ описываетъ совершеніе его такъ: «дѣвки искавшія, по видному, въ келейныхъ убѣжища къ охраненію цѣломудрія, зачастую родили дѣтей, и изъ нихъ не рѣдко вырѣзывали сердце, изъ котораго, подъ глубокимъ секретомъ, приготовляли причастіе для своихъ вѣрныхъ, кощунственно основывая это ученіе на аналогіи будто бы его съ ученіемъ о сверхъ-естественномъ рожденіи Спасителя и принесенія Его въ жертву для спасенія рода человѣческаго». Не повторяется ли очевиднымъ образомъ въ этомъ обрядѣ причащеніе хлыстовское, для котораго отрѣзывается у женщинъ грудной сосокъ, которымъ и причащаются сектанты? Не повторяется ли, вообще, въ сектѣ монтановъ все вѣроученіе и правоученіе самыхъ древнихъ нашихъ еретиковъ-хлыстовъ?

Въ монтанствѣ рѣшительно все создано по образцу предшествовавшихъ русскихъ мистическихъ сектъ, создано подъ вліяніемъ бродячихъ антихристіанскихъ идей человѣкомъ русскимъ, увлекшимся не монтанскимъ ученіемъ, которое было давно, а идеями хлыстовщины, скопчества, наполеоновщины и др. Сходство русскаго монтанскаго ученія съ восточнымъ слишкомъ внѣшне, чтобы строить на немъ предположеніе о взаимодѣйствіи двухъ ученій далеко не одновременныхъ. Преосвященный самарскій старается доказать тождественность положеній нашихъ монтановъ и восточныхъ, и такъ говоритъ: «а) Монтанъ училъ, что на него сходитъ Духъ Святый, подъ вліяніемъ котораго онъ и дѣйствуетъ; и учителя новаго монтанства увѣряютъ своихъ послѣдователей въ томъ же; б) Монтанъ внушалъ своимъ послѣдователямъ, что онъ, водимый Духомъ, проповѣдуетъ нравственность совершеннѣйшую, нежели какой учить православная церковь; новые монтаты тоже убѣжденіе имѣютъ; в) Монтанъ отвергалъ священное Писаніе, уставы церкви и требовалъ безпрекословнаго повиновенія себѣ; новые монтаны тоже не уважаютъ священнаго Писанія, г) Монтанъ отвергалъ законность втораго брака, а наши монтаны не признаютъ никакого; д) Монтану сопутствовали двѣ женщины, Прискилла и Максимилла, которыя распространяли расколъ; и у новыхъ монтановъ есть дѣвки, полагающія свою цѣль въ распространеніи раскола; е) о древнемъ Монтанѣ извѣстно, что онъ проповѣдывалъ строгую нравственность, а жилъ безнравственно; новые монтаны, выдающіе себя за совершенныхъ и духовныхъ, разными признаками изобличаются въ тайномъ развратѣ». Но такое сходство двухъ монтанскихъ ученій слишкомъ случайно. Въ приведенномъ трактатѣ все, до послѣдняго слова, можетъ быть отнесено съ одинаковымъ правомъ ко всякой другой русской мистической сектѣ. И хлыстовщина, и скопчество, и наполео-

новщина, и скакунство проповѣдуютъ тѣ же пачала, какими въ свое время руководился Монтанъ, тѣ же аскетическія правила на словахъ и тоже пренебреженіе ими на дѣлѣ. Нужно признаться, что названіе сектантовъ монтанами не точно и не выражаетъ сущности дѣла, а между тѣмъ сбиваетъ съ толку; скорѣй и удобнѣй можно назвать секту эту щегловщиною отъ фамиліи Никифорыча. Онъ жилъ, какъ извѣстно, уже въ XIX столѣтіи, и не могъ знать ученія Монтана на столько, чтобы на немъ построить свою секту. Видимое же сходство двухъ ученій могло произойти просто отъ знакомства Никифорыча съ хлыстовщиною, которая, пожалуй, черезъ Богомиловъ, заняла многое изъ древне мистическаго лжеученія восточнаго ¹⁾).

Осматривая теперь вообще русскія грубо мистическія секты со вновь произшедшими отъ нихъ, мы должны сказать, что всѣ онѣ слишкомъ похожи одна на другую какъ по главнымъ идеямъ, такъ и по развитію и приложенію ихъ въ жизни. Каждая изъ сектъ мечтаетъ поставить членовъ своихъ въ ближайшее и непосредственное соотношеніе съ Божествомъ и вселить въ нихъ или Іисуса Христа или Духа Святаго, такъ что всѣ сектанты скорѣе являются богами на землѣ, чѣмъ простыми смертными. При всей обаятельности этой мысли, при всей увѣренности сектантовъ въ своей благодатной духовности, всѣ они, однакоже, признаютъ себя людьми еще не вполне совершенными и стремятся достигнуть крайней святости, необходимой для окончательнаго одухотворенія чело-вѣка, чтобы Господу или Святому Духу доставить болѣе удобное жилище въ своихъ личностяхъ. Отсюда—крайній аскетизмъ въ правилахъ нравственности, доходящій до полнѣй-

---

¹⁾ Источниками при изложеніи ереси Щегловщинской были: Сборн. Кельсѣва, вып. II, 1861 г. стр. 80—84; Эпоха 1864 г. Августъ № 8, стр. 1—49.

шаго убійства всего плотскаго и тѣлеснаго, и, въ силу крайности этихъ положеній, въ высшей степени разнузданность въ жизни, развратъ и распутство. Всѣ сектанты, при своихъ богослуженіяхъ, употребляютъ чисто чувственные, плотскіе обряды: веселыя пѣсни, неистовыя скачки, пляски, танцы и разнаго рода круженія, надѣясь черезъ то благоугодить Богу и низвести Его въ сердца свои. Такое поразительное сходство одной секты съ другою въ общемъ направленіи приводитъ насъ къ мысли, что мистическія секты наши вышли изъ одного источника и развивались по созданному одинъ разъ плану; разнообразное вліяніе не могло произвести такого единства. Нужно непременно предположить съ одной стороны, что на образованіе ихъ дѣйствовало по преимуществу сильно извѣстное начало, а съ другой, что сила эта вліяла главнымъ образомъ на созданіе одной только секты, изъ которой уже впослѣдствіи, путемъ развитія ложнаго ученія, образовались и многія другія, съ незначительными видоизмѣненіями, зависѣвшими отъ личнаго характера основателя, его темперамента, степени образованія, того или другаго склада воззрѣнія, и отъ преобладающаго вліянія той среды, въ которой жилъ главный учитель, и съ которою соприкасался по обстоятельствамъ. Всѣ разсмотрѣнныя нами секты сильно запечатлѣны характеромъ богомильскаго воззрѣнія на предметы вѣры и дѣятельности человека; во всѣхъ ихъ проглядываетъ черта скрытности, одухотворенія личности, увѣренности въ присутствіи Божества въ душахъ людей; а эти черты вѣроученія составляютъ существенную часть ученія богомильской ереси. Что касается скачковъ, прыжковъ и конвульсій при богослуженіи, то они, какъ выраженіе внутренняго чувства, могли перейти въ наши секты или съ запада, или отъ финскихъ народовъ, или просто отъ славянскихъ языческихъ празднествъ, соединенныхъ всегда съ пляскою и хороводнымъ пѣніемъ. Но какъ то, такъ и другое

или третье вліяніе могло приобрѣсти свою живучесть, только прикрѣпляясь къ основному религіозному міросозерцанію нашихъ предковъ, которое, по нашему мнѣнію, заимствовано отъ богомилства. Богомилство, по нашему мнѣнію, отразилось главнымъ образомъ на сектѣ хлыстовъ, существовавшей если не у насъ, то на западѣ, одновременно съ нимъ; образовавшись же въ секту, хлыстовщина сама, какъ уже самостоятельное и довольно стройное цѣлое, въ свою очередь образовала наши другія русскія секты: скопцовъ, наполеонитовъ, скакуновъ, монтановъ и проч. Это такъ очевидно, что не требуетъ доказательствъ. Поэтому весь грубо-мистическій расколъ нашъ можно смѣло назвать *хлыстовскимъ*, по преобладающему вліянію въ немъ этой первой и самой древней русской ереси.

Гр. Протопоповъ.

